

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин

И стало это у Константина Смородина как болезнь: днем, на работе, рисует свои вывески, плакаты, афиши, а вечером, дома, начинает все ругать – свою работу, своих начальников, краски, зрителя, всех и все.

– Долбаки! – зло говорил он и стискивал зубами янтарный мундштук. – Если они рекламируют пиво, то на вывеске обязательно давай счастливое рыло. Почему?! – Константин Смородин, маленький, грудастый, в пляжном халате 54-го размера, походил на воробья, которому зачем-то накинули детскую распашонку. – В чем здесь логика восприятия? Счастье – в кружке пива?

Жена Константина Смородина, худощавая, медлительная, смотрела большими темными глазами чуть выше мужа, о чем-то думала о своем, затычном и неясном. Она работала кассиром в кинотеатре и могла думать вот так вот – рассеянно и бесконечно – даже когда продавала билеты. Отрывала билетики, брала деньги, сдавала сдачу – и думала, думала. Она была очень молчалива. Константин Смородин упражнялся перед ней как хотел – она до поры до времени не реагировала. Да он и не требовал, чтоб она реагировала. И – странно тоже – почему-то его не интересовало, о чем она думает, он не спрашивал.

– А если я вам, вместо счастливого лица, нарисую кружку пива и большой кукиш – это как? А ведь тут ба-альшой смысл! – Константин Смородин мастеровито посасывал мундштук, шурил глаза от дыма, но мундштук изо рта не вынимал. – Не согласны? А я вам докажу! Пойдем по логике. Чтобы выпить кружку пива, ты должен на жаре отстоять очередь. Потом – ты взял кружку пива. Выпил. Постоял маленько, тебе еще захотелось. Но ты посмотрел на очередь, поднял руку и резко опустил – и пошел в магазин. Взял бутылку вина и выпил ее на жаре. Тебя развезло... Ты пошарил в кармане – у тебя оказалось еще два рваных. Ты, как говорится, «затроил», в результате пришел домой «на бровях». Шум, скандал. Все началось с кружки пива, – Константин Смородин, удовлетворенный, смотрел в дымчато-темные, чуть влажные глаза жены... Она ему – из далеких-далеких каких-то своих дум – кивала поощрительно.

– Пойдем еще по логике... – продолжал Смородин. И так ходил он по этой логике каждый вечер, нервничал, злился, но не уставал и не отчаивался.

– Будешь ужинать? – спрашивала жена.

– Окрошечки бы...М-м? – спрашивал Смородин. – Холодненькой.

– Садись.

Хлебная окрошка, Смородин опять возмущался.

– Окрошка из сладкого кваса! Ну не е-мое?! – в недавнем прошлом Смородина значилась тюрьма, лет пять, – за отдаленное участие в изготовлении фальшивых денег, он прихватил в лагере тамшний сочный, богатый образами язык и обильно вплетал разные слова и словечки в теперешнюю мирную речь. – Пить его – еще туда-сюда, но окрошка-то!.. Сахар с луком! Ну делай: для питья один, для окрошки – другой, кислый. Ну что же – сладкая окрошка-то?! Или тоже от фонаря: все съедят?! Ну, кумовья, я их маму...

– Не ругайся, – спокойно просила жена.

– Я не ругаюсь, я злюсь. Хорошая злость помогает в работе, это еще мой учитель говорил. «Как, говорит, дойдет, что охота укусить кого-нибудь, – беги к холсту!» У Смородина был и учитель, оказывается: деревенский любитель, добрый человек, не от мира сего, дядя Иван, коновал, философ и художник. Он давно помер, но Смородин хранил о нем светлую память. Философия дяди Ивана покоилась на трех китах. 1. Когда тебя обижает кто-нибудь, ты думай про того: «Дурак, делать, что ли, больше нечего?» 2. Не гонись за богатством – меньше хлопот. 3. Самые хорошие люди – кони. Когда изведут всех коней под корень, наступит конец света, в том смысле, что каждый озлобится на каждого.

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Были у него и еще правила, но так, на каждый день. Например: если тебе нечего делать, а делать чего-нибудь всегда надо, – складывай песню. Или рисуй. Или на балалайке играй. Только не торчи без дела, лучше как-нибудь скрась людям жизнь. Смородин не все усвоил из учения дяди Ивана, то есть почти ничего не усвоил. Как подросток, попал в город, так пошло его носить, как-то не до правил стало. Какие правила! Несет тебя – цепляйся за все, что подвернется под руку, иначе в этой опасной реке булькнешь и только пузыри от тебя пойдут. Но кое-что Смородин все же взял из житейской науки дяди Ивана: например, никогда не ленился работать. И теперь у Смородина была работа. Большая! Был холст... Он стоял в маленькой отдельной комнатке против окна – от стены до стены. Он стоял здесь с год уже; работа подвигалась трудно, но подвигалась упорно. Вот что было на холсте. Стоит стол, за столом сидят два человека... с одинаковым лицом. Никакого зеркала, просто два одинаковых человека сидят за столом, и один целится в другого (в себя, стало быть) пистолетом. Картина должна называться «Самоубийца». Откуда, из каких подвалов вынес Смородин такую печальную тему, это станет понятно несколько позже. Впрочем, это и теперь не секрет: тему и сюжет подсказала жена Константина Смородина, эта странная задумчивая женщина.

Когда Смородин входил в маленькую комнатку, на лице его появлялось выражение злой решимости. Укусить не укусить, но надавать в зубы кому-нибудь – с таким лицом только и делать. Он подолгу стоял перед полотном в пляжном халате, перехваченном в талии толстым поясом с шишками на концах, стоял, сунув руки глубоко в карманы халата, сосал мундштуки свирепе щурился. Жена его не входила во время работы в комнатку, он не велел.

Работал Смородин днем, чаще в субботу и воскресенье. Световой день его заканчивался рано, и когда поздно вечером приходила жена с работы, Смородин сидел обычно на кухне в неизменном халате, пил чай.

– Как дела? – спрашивал Смородин.

Жена пожимала плечами, что – «никак». Молча переодевалась (тоже надевала халат), молча же подсаживалась к столу и пила чай. А Смородин рассказывал.

– Захожу вчера к своему долбаку: «Вызывали?» – «Вызывал. Для молочного кафе эскиз вы делали?» – «Я-с. Не нравится?» «Что это у вас тут такое?» – «Вымя коровье. А это – соски. Просто же». «Это авиабомбы какие-то, а не соски!»

Жена Смородина, когда он рассказывал об этом, засмеялась. Она смеялась беззвучно, и опять же – вроде себе, своим мыслям. Посмеялась и покачала головой, как делают, когда даже ничего говорить не хочется на глупость. Смородина этот ее смех сильно воодушевил. Он встал и заходил по шестиметровой кухне, да так быстро поворачивался, что полы его халата распахивались, видны были кривые волосатые ноги.

– Авиабомбы, да! – начиненные молоком и здоровьем! Когда они обрушиваются на людей, они сеют... так сказать, кровь с молоком. Пусть бьет меня такая бомба по кумполу – на здоровье!

– Про Вьетнам надо было, – подсказала жена.

– Что про Вьетнам? – не понял Смородин. И остановился.

– Там – смерть, здесь – молоко. Он бы завизжал от восторга.

– Не сообразил, – Смородин двинулся было, но опять остановился. – А если вообще – триптих такой: бомбежка – раз, кладбище – два и вымя в облаках... А?

Жена, не меняя задумчивого выражения на лице, посмотрела на мужа. Спросила:

– Зачем?

– Ну, триптих такой...

– Это же не музей.

– Ну да, – согласился Смородин.

– Чем закончилось с выем-то?

– Переделал! – как-то даже весело воскликнул Смородин. – Пусть кушают примитив. Я теперь пришел к выводу, чем хуже, тем для них лучше, – и Смородин гордо посмотрел на жену. Жена тоже посмотрела на него и кивнула головой. И в глазах ее темных померцал слабый свет ласки.

– Ты таких слов не говорил, – сказала она.

– Я их говорю!

– Ты их не говорил, – упрямо повторила смуглая жена.

– Не понял, – признался Смородин. И вынул изо рта мундштук.

– Твой начальник никогда не слышал от тебя таких слов. И соседи не слышали. И никто. Иначе ты ничего не успеешь сделать.

– А-а! – дошло наконец до Смородина. – Ну, это само собой. Это я секу.

– Надо, чтоб у них потом отвисли челюсти. Талант всегда немножко взрывается. Живет человек, никто на него не обращает внимания, замечают только, что он какой-то раздражительный. Но в политику не лезет. Вдруг в один прекрасный день, все узнают, что этот человек – гений. Ну, не гений, крупный талант, – жена Смородина не всегда молчала. Иногда она начинала говорить и тогда преображалась: говорила сильно, с глубокой страстью, и опять куда-то, в даль своих постоянных далеких дум. И глаза ее явственно светились светом иной жизни, той жизни, где она жила мыслями, – в жизни, где дни и ночи тихо истлевали бы в довольстве и пресыщении, где не надо продавать билеты, где ничего не надо делать, может быть, играть в пинг-понг, ибо делать что-нибудь за кусок хлеба – это мерзко, гадко, противно, наконец просто неохота. Она знала, что такая жизнь есть. Где она, такая жизнь, черт ее знает, но она всем существом была в той жизни, а здесь только с презрением, брезгливо пребывала. В прошлой судьбе ее тоже была тюрьма; она не рисовала фальшивых денег, она не умела рисовать, она где-то в каких-то серьезных бумагах подставляла нули и угодила туда же, куда угодил Смородин. И где-то там они и познакомились. Она очень заинтересовалась способностями ершистого Константина Смородина... Когда они вышли на волю, они разыскали друг друга и сошлись. С тех пор Константин Смородин и стал поносить всех и все. И тогда же, примерно, он натянул большой холст и посадил туда этого отчаянного человека, который сам в себя целится.

– Могут не признать, суки, – встрял Смородин в убежденную речь жены. Он часто сомневался. – Это же не передовик на комбайне, понимаешь. Чего ты не хочешь передовика какого-нибудь?

– Ни в коем случае! – твердо сказала жена. И строго посмотрела на мужа – что ты! Это вшивота. Крохоборство. Это же дешевка! – все же прекрасен сильный человек! Жена Смородина, когда вселяла в слабого, суетливого мужа дух борьбы и протеста, сама на глазах хорошела: глаза совсем темнели, становились как будто еще больше, ноздри прямого носа вздрагивали, верхняя губа хищновато дергалась кверху, и на ней явственней обозначался темный пушок. Смородин, парализованный ее волей, вынимал изо рта мундштук, слушал, смотрел... и начинал томительно ждать, когда они лягут спать и выключат свет.

– Но не признают же...

– Кто?

– Ну, кто... Что ты не знаешь, кто?

– И прекрасно! Это-то и нужно. Не хватало еще, чтобы они признали! Признают другие. Кому осточертели все эти передовики, те и признают. А тогда уж... все само собой делается.

И все же самое удивительное во всем этом было, наверно, то, что Смородин вовсе не думал о деньгах. И когда он участвовал в изготовлении фальшивок, и тогда он не думал о деньгах – о том, чтоб иметь их много-много. Ему нравилось, что его, самодельного художника, признают талантливым, что где-то кто-то очень нуждается

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru в его работе, и он старался делать, что ему положено делать, хорошо. А так как накрыли их скоро, то больших-то денег он еще и не имел и не успел, так сказать, войти во вкус. Жена его – другое дело: хоть скуп и неохотно, но кое-что рассказывала из своей жизни той поры, когда подставлялись на бумагах нулики. Она знала в этом толк, в деньгах. Смородину же очень хотелось «взорваться» – чтоб о нем заговорили, заговорили о его картинах, рисунках... Может, и станут покупать, пусть, но главное все же не в том.

Таким он и входил в маленькую комнатку – готовый «взорваться», отсюда и такая свирепая решимость на его маленьком круглом лице, вовсе не злом, а даже добродушном, доверчивом и мясистом.

– Ну, суки... – говорил он, стоя перед картиной с мундштуком в зубах и засунув руки в карманы халата.

И вот пришла пора, пришел день, который жена Смородина молча ждала и молча торопила.

– Завтра позову его, – сказал вечером на кухне Смородин.

У жены – как будто она напугалась чего – широко распахнулись темные глаза, она стремительно вышла из ТОЙ жизни в ЭТУ, тесную и вонючую, и спросила негромко:

– Да?

– Да. Можно сказать. Если он не нарежется с утра... Пораньше схожу за ним, чтоб не успел нарезать. Пусть лучше здесь выпьет. Ты приготовь тут...

– Я все сделаю, – с не свойственной ей поспешностью сказала жена. – Все будет на уровне, не беспокойся.

И на другой день рано утром в воскресенье, Смородин привел его, художника, который должен был сказать, что Константин Смородин – «взорвался». Или он это скажет, или... Смородин и его жена волновались. По-разному волновались. Жена его вся ушла в свои глазницы, вся там трепетала и надеялась; Смородин, как всегда, много суетился и говорил.

Художник был бородатый, большой, с курносым русским лицом. Заявился шумно, загудел в малогабаритной квартире, стал всего касаться плечами...

– Ну, что ты тут намазал?... Где?

– погоди, погоди, – суетился Смородин, – давай сперва дернем по малой... Зоя, у нас есть там чего-нибудь?

– Проходите сюда, пожалуйста, – сказала жена Смородина, обшаривая художника вопрошающими глазами.

Художник Коля тоже глянул на нее, сказал «гм» и зашагнул в кухню.

– О-о! – густо сказал он. – Это я понимаю. Да ты славно живешь, Константин! Ну, давайте... – и художник первым сел за стол, и пригласил хозяев: – Садитесь. Вы славно живете! – еще приятно удивился он. – Как вас, Роза?..

– Зоя, – сказала жена Смородина.

– Зоя! Садитесь, Зоя. Садись, Костя... Ну, так... Нет, славно, славно, молодцы. Вы тоже рисуете, Зоя? – спросил художник, галантно повернувшись к хозяйке.

– Нет, она... по финансовой части, – сказал Смородин. – Наливай, Зайка.

Когда выпили по одной, художнику Коле стало легче.

– Вчера приняли с Поволоцким... Ты знаешь его? А-а, ты его не знаешь. Славный парень, – художнику было лет 37, и здоровье свое он еще только-только начал пропивать. В городе он считался лучшим художником, знал московских мастеров, был о них невысокого мнения, материл, когда «принимал за галстук». – И ну, так, так... Хорошо! Еще выпили по одной дорогого коньяку.

– Эх, жизнь бекова! – сказал художник Коля. – Как там у вас, говорили, Константин? А интересно там, да? Мне охота бы побывать, только недолго, ну ее к черту... Не вытерплю долго. С полгода бы вытерпел.

Сморозин хихикнул встревоженно... И глянул на жену – проверить: не подали ли художнику лишнего? Но жена его спокойно и даже с интересом разглядывала лучшего художника города.

– Что нарисовал-то? – спросил тот. И посмотрел весело на Сморозина. – «Утро нашей Родины»?

– Увидишь, – уклончиво, но и обещающе сказал Сморозин. – Давай посидим пока...

Художник засмеялся.

– Чего ты меня готовишь, как... невесту смотреть. Волнуешься, что ли? А?

Сморозин пожал плечами.

– Год работал...

– Ну-у, даже интересно. Пойдем глянем!

Сморозин опять быстро и вопросительно глянул на жену.

– Выпейте еще, – сказала Зоя, – потом уж делами займетесь.

– Да что вы такие?! – спросил удивленный художник, глядя на Сморозина. – Можно подумать, что у вас там труп висит, а не картина. Чего вы?

– Выпейте, – жена Сморозина засмеялась от растерянности, что с ней редко бывало – чтобы она терялась. – Выпейте, закусите, потом и пойдете, – боялась она, что ли?

Еще выпили. И закусили.

– Пойдем, – нетерпеливо сказал художник Коля. – А то нагнали тут мистики какой-то. Пойдем, что там такое?

Пошли.

Вошли в маленькую комнатку... Сморозин снял белую тряпку с холста, целую простынь. Руки его мелко дрожали; он крепко прикусил мундштук и засунул руки в карманы брюк. У него даже в животе заныло.

Художник прищурился на картину... Долго смотрел... Потом посмотрел на Сморозина...

– Самоубийца, – сказал тот, слабо кивнув на холст. Голос его охрип.

Художник засмеялся и даже не спохватился, что, может, грешно смеяться-то. Не увидел, не заметил, не обратил внимания, какой стоял Сморозин – весь наструнившийся, весь отчаянный и жалкий, как на краю обрыва стоял и боялся смотреть вниз.

– Чего ты? – спросил тихо Сморозин.

– Ты прямо напугал меня, – добродушно сказал Коля-художник. – Я уж думал, тут правда черт-те чего... Не вышло, Константин. Самоубийца... – он опять невольно хохотнул. – Тут до самоубийства-то еще далеко, друг. А чего ты туда полез-то? А?

Сморозин молчал. Чтобы не выдать, что с ним творится, не смотрел на художника, смотрел на картину и кусал мундштук. И тут, видно, понял художник, как он немилосерден, жесток.

– Костя!.. – окликнул он. – Ты чего? Брось ты так... Давно надо было позвать меня – не тратил бы год на эту мазню. Надо учиться, дружок, надо много уметь... Ну куда тебя, к черту, понесло – самоубийца! Тут еще и ремесла-то нету. Тут ни

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru примитивизма, ни реализма... Ничего, – он посмотрел на картину. – Ты человек способный, это я тебе не из какой не из жалости говорю. Способный. Но абсолютно неграмотный. Да и тема-то вовсе не твоя, ты вон какой... окорок, с чего вдруг самоубийство-то? Да ведь как выдумал!.. Ловко. Но это штука, дружок, фокус, а фокус не удался. Не переживай. Хочешь, буду учить тебя?

– Вон отсюда! – раздался вдруг сзади них голос. Художник Коля и Смородин вздрогнули от неожиданности, оглянулись. Стояла жена Смородина, Зоя, смотрела в упор на художника, и глаза ее полыхали... не гневом даже, а – гибелью, крушением. Изождавшиеся ее глаза кричали болью.

– Вон из квартиры! – повторила она, глядя на художника.

– Зоя... – хотел что-то сказать Смородин.

– Вон! – крикнула Зоя. И топнула ногой. И лицо ее тоже исказилось болью. – Вон! Вон! Вон!!!

Художник Коля ничего не понял, но испугался, понял только, что тут сейчас должно что-то случиться... И, даже не показав никак, что он удивлен или что ему странно все это, – пошел вон. Подошел к двери, оглянулся...

– Во-он!! – закричала истерично жена Смородина. Схватила мужа за руку и потащила вслед за художником. И говорила, как в бреду, торопливо, едва разборчиво: – Спусти его!.. Двинь сзади! Скорей!..

Смородин и сам тоже испугался. Шел за женой, не противился... Художник, видя такое дело, поскорей вышел из квартиры и поскорей же начал спускаться по лестнице. А жена Смородина все тащила мужа за рукав – Смородин невольно отметил, какая у нее сильная рука, – и все торопила, все повторяла:

– Спусти его! Вниз его, вниз его, вниз... Двинь его! Скорей же!

На лестнице, увидев внизу уходящего художника, бросила руку мужа и стала показывать, как надо спустить художника вниз: торопливо, с силой совала острым кулаком в воздух, вниз, и твердила, и твердила:

– Догони его! Догони – двинь его, двинь! Толкни вниз! Вот так вот, вот так вот... Что ты стоишь-то?! Что ты стоишь-то?!

Смородин обнял жену, стал успокаивать.

– Зоя, Зоя... ну что ты? Что ты? Перестань, люди сбегутся. Люди же сбегутся!..

– Уйди! – зло кричала Зоя и колотила мужа в широкую грудь, как в дверь, обитую дерматином. – Уйди! Подонки!.. Хамье! Подонки! Подонки!..

Это была уже истерика. Константин Смородин слышал, как надо останавливать женскую истерику: приотпустил жену и, не разворачиваясь, больно дал ей ладонью по щеке. Жена уткнулась ему в грудь, обмякла, заплакала. Смородин поднял ее на руки и понес домой.

– Ну что ты, дурашка ты моя? – говорил ласково Смородин. – Чего ты?.. Подумаешь! Ну, и ничего страшного! Ничего же страшного не случилось. Ну дурак пришел, наговорил... Что он понимает-то! Я других художников позову, не алкоголиков... они скажут. Не реви. Успокойся, – Смородин целовал голову жены, обильно надушенную ради сегодняшнего дня, и крепче прижимал ее к груди. – Успокойся, милая, успокойся, не надо...

А Зоя плакала, не могла остановиться, плакала, мочила слезами его выходной светло-серый костюм... Даже подвывала тихонько – так горько плакала. И не могла остановиться.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Пьедестал. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!